

<http://old-kinoart.ru/1998/12/10.html>

Мещеркина Е. Ю. Введение//Биографический метод: История, методология, практика. Под ред. Мещеркиной Е.Ю., Семенов В. В. - Москва: Институт социологии РАН, 1994.

Нарши Е. Погружение// Отечественные записки № 4-5 2002.

Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.Добросвет, 1998.

Словарь современной культуры: Вербатим

<http://www.teatrdoc.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=6>

Словарь современной культуры: Вербатим - Евгения Гоишкова не без основания считают предтечей документального театра

http://www.grishkovets.com/press/release_32.html

Смелянский А. Профессия - артист

<http://www.lib.ru/CULTURE/STANISLAWSKI/akter.txt>

Станиславский К. С. Работа актера над собой. М.: Артист. Режиссер. Театр

2003.

Угаров М. Красота погубит мир! - Манифест новой драмы//Искусство кино №2 2004 <http://www.kinoart.ru/magazine/02-2004>.

Фукс-Хайнриц Биографический метод //Биографический метод: История, методология, практика. Под ред. Мещеркиной Е.Ю., Семенов В.В. - Москва: Институт социологии РАН, 1994.

Хоффман А. Достоверность и надежность в устной истории// Биографический метод: История, методология, практика. Под ред. Мещеркиной Е.Ю., Семенов В.В. - Москва: Институт социологии РАН, 1994.

Что такое Verbatim

<http://www.teatrdoc.ru/modules.php?op=modload&name=News?file=article&sid=24>

Шюц А. Аспекты социального мира //Смысловая структура повседневного мира очерки по феноменологической социологии, М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

Михаил Роханский

Избавиться ли от гнетущего чувства тупика, в который исторический человек завел самого себя, если не предположить, что вездесущность, всеприсутствие истории в мыслях и делах людских есть специфический обман зрения?

Михаил Гефтер

В двадцатом веке дневники не пишутся, и ни строки потомкам не оставят.

Наш век ни спор, ни разговор, ни заговор, ни оговор записывать не станет.

Борис Слуцкий

Историк Михаил Гефтер и поэт Борис Слуцкий - ровесники, представители первого поколения «советских мальчиков» - людей, не только выросших при советской власти, но призванных ею и самими собой осуществлять грандиозные исторические задачи. Окончив школу, провинциальные юноши стали участниками двух параллельных сталинских проектов по формированию новой советской гуманитарной интеллигенции как «прослойки», как пропагандистов, творчески обосновывающих и разъясняющих советскому народу высокие исторические смыслы советских деяний. Борис Слуцкий поступил в созданный в порядке социального эксперимента Институт философии, литературы и истории (ИФЛИ), а Михаил Гефтер - в МГУ на вновь открытый после долгого перерыва исторический факультет. Стихотворение, вынесенное в эпиграф, Борис Слуцкий написал «в стол», и это протестное, по сути, стихотворение было опубликовано после смерти поэта и распада советского мира. Протест был не против партии и правительства, а против власти истории над человеком, и власть эта представлялась выросшему «советскому мальчику» почти абсолютной. Оспаривание этой абсолютности и в вопрошаила Гефтера, взятого в качестве еще одного эпиграфа. Это вопрос стал одним из ключевых для человека, на судьбе и профессиональным опыте которого (если их очень условно разделить) власть истории проявилась настолько, насколько это возможно было, в России XX века.

И все же оспаривание власти истории (оно легло и в основу одного из проектов, вдохновителем эпохи которого был Гефтер) можно увидеть при исследовании личных дневников эпохи «большого террора». Этот исследовательский проект реализовался в начале девяностых годов интернациональной группой исследователей, к которой принадлежит и автор статьи. Пытаясь ослабить давление идейно-политических оценок, мешающих «разгосударствить» социальную историю эпохи «большого террора», инициаторы проекта заранее ввели самоограничение и отказались от дневников «палачей» или «жертв» (Garros V., 2001) Фокус внимания попали две сотни дневников, авторы которых принадлежали к самым разным социальным группам (Garros V., 2001, p.138).

Поэт ошибся - многие советские люди заносили в тетради и блокноты свои споры, разговоры и собственные мысли, проставляя перед записью дату и пряча тетрадку от посторонних глаз. А некоторые просто и скрупулезно годами и даже десятилетиям фиксировали ежедневный ритуал чаепития или сны или названия увиденных в магазинах и у знакомых книг.

Дневники велись везде, "от Москвы до самых до окраин". Советский "всеобуч" достиг впечатляющих результатов уже к середине 30-х. Вести ежедневные записи о собственной жизни и о том, что происходит в "большом мире", могла не только девочка из семьи, потомственных столичных интеллигентов, живущая в опасной близости к вершителям*, новейшей истории, но и деревенский мальчик в прибайкальской тайге. В январе 1937 года в Москве сотрудники НКВД во время обыска изъяли дневник восемнадцатилетней Нины Луговской (Луговская Н., 2004). В марте её арестовали, предъявив именно дневник в качестве неопровержимой улики, а в феврале 1937 года в селе Тагна Иркутской области пятнадцатилетний школьник Василий Трушкин начал свой дневник, который вел до 1964 года (Трушкин В.П., 2001).

Дневник был практикой достаточно обычной, свидетельства чему есть и в том дневнике, которому в основном и посвящена данная статья. В сентябре 1948 года его автор — московская школьница Кира Мансурова — замечает про одноклассницу:

"Сегодня Тамара сказала, что она тоже ведёт дневник" (запись 9 сентября 1948 года). Почти через пять лет, будучи уже старшекурсницей Московского университета, Кира записывает разговор с однокурсником:

"Как-то недавно Петя спросил меня, пишу ли я дневник (в Кучино кто-то из девочек оставил свой). Немного замаявшись, я ответила утвердительно. Он начал допытываться, как часто в среднем я пишу его. Не помню, какую цифру я назвала ему т.к. это происходит очень нерегулярно. Но он сказал, что это — хорошо, раз столько мыслей появляется. Меня это смутило. Ведь большей частью я пишу не тогда, когда появляются мысли, а когда хочется записать или описать какие-нибудь события, часто ничего не стоящие. Ведь иногда, (или часто?) я не даю никакой оценки этим событиям, или это мне так кажется?" (запись 27 апреля 1953 г.).

Но ошибка Бориса Слуцкого не кажется странной - странным, напротив, кажется ведение дневников в стране, где любая непредуказанная мысль могла предстать потенциальным или свершенным преступлением. Ежедневные записи о том, что думаешь, и что с тобой происходит, - распространенная советская практика, однако она начинена противоречиями как явными, так и теми, что раскрывались, когда дневник лишали интимности.

Школьница Кира Мансурова начала свой дневник вскоре после того, как ей исполнилось семнадцать - в мае 1948 года¹. Возраст девушки и майская дата наталкивают на предположение, что вести дневник побудили романтические мотивы. Сокровенные "сердечные тайны" у Кире, когда она начинала дневник, нет. В следующих тетрадках написанных Кирой-студенткой, а затем, аспиранткой Московского университета, -отношения с юношами, увлечение более старшими мужчинами, мечты о будущей семье занимают немало места, иногда выходят на первый план. Но первая тетрадка, охватившая последний школьный год и закончившаяся в мае 1949 года, не содержит да намека на подобные тайны. При этом Кира на первой же странице заявляет о том, что создаёт пространство откровенности: *"С мамой об этом говорить - что-то не пожалуй, не совсем поймёт, да и как-то неудобно, получится не совсем искренно-1 Тамарой тоже"*.

¹ Дневник находится в семейном архиве Сергея Язева - директора обсерватории Иркутского государственного университета, сына Кире Мансуровой. Автор признателен Сергею Язеву за возможность работать с дневником и другими материалами о жизни Кире Сергеевны, сохранившимися в семье, а также за интервью.

Что же является предметом этой откровенности? Какие темы преобладают в дневнике? - Занятия астрономией, прочитанные книги, увиденные кинофильмы и спектакли, учеба, рассуждения о собственном характере и вопросы, которые принято называть «вечными»: о смысле жизни, о личном и общественном, о человеческой силе и слабости. Меньше места занимают дела сердечные, и примерно столько же суждения о происходящем в ближнем и дальнем мире - в комсомольской группе, городе, стране, в мире. Но временами какие-нибудь из этих «вторых» тем выходят на первый план. Дневник Кира вела ровно девять лет - последняя запись сделана в мае 1957-го. Из шестнадцати толстых тетрадей (они назывались «общими») тринадцать - записи до 1954 года, то есть дневник велся в те годы советской истории, которые невозможно назвать либеральными. Через все записи проступает стремление не только знать, что происходит в стране и мире, но и давать этому оценку - собственную и искреннюю. Поэтому неизбежно в тетрадях появляются суждения, которые с точки зрения более опытных взрослых следовало бы «держат при себе». Но подобных записей нет в первых, исписанных аккуратным ученическим почерком, тетрадях, то есть не эти суждения побудили к дневнику. Искренность Киры вполне остается в рамках официальной идеологической риторики. И сегодня с первых страниц дневника бросаются в глаза «правильные» фразы и оценки вроде той, которая сделана после ноябрьских праздников 1948 г.:

“Я получила в подарок “Войну и мир”, “Анну Каренину” и “Пушкин в изгнании”. Вообще, книги - лучший подарок для меня, а такие прекрасные произведения! Какое большое значение имеет литература!!! Я не представляю своей жизни без книг, кем бы я была без них? Особенно я люблю советскую литературу. Из книг узнаешь окружающую жизнь, людей, прошлое и настоящее; они зовут к новой, лучшей жизни, для которой хочется жить и работать, они вселяют бодрость и уверенность в победу” (запись 9 ноября 1948 г.).

Риторика искренняя - фразы не предназначались для постороннего глаза. Кира - советская девушка по мировоззрению, не только по месту рождения. И это стремление вести дневник — вполне советская черта. Что же укрывает советская девушка от постороннего взгляда и слуха? Стремление к идеалу. Парадокс? Конечно: стремление к идеалу - органичная советская черта. Но не менее обычно для советской жизни предъявление одним человеком другому - публично или приватно - претензий за несоответствие идеалу. И здесь, по-моему, обнаруживается одна из основных причин того, что личные дневники - распространенная практика советских юношей и девушек.

Повседневность и повсеместность контроля сжимали частную жизнь человека до его внутреннего мира, что придавало даже самому понятию частной жизни, то есть внутреннему миру, статус «первородного греха». Дневник - осознанное или (чаще) неосознанное сопротивление этому.

Таким, например, дневник Нины Луговской (Луговская Н., 2004). В нем очевиден вызов — она не только скрывает в дневнике своего резкого неприятия того, что происходит, но и выбирает самые сильные слова и не потому, что имеет в виду будущих читателей из НКВД. Это вызов скорее своим близким, поскольку даже они не позволяют себе и с той степенью откровенности, которая естественна для Нины. Ее мама и сестры не ведут политических разговоров, а если споры возникали, «то всеми силами старались зацызать свое настоящее» (Луговская Н., 2004, с.101). Дневник - возможность высказаться в условиях, когда табуированы вопросы, о которых не можешь не думать,

Частная жизнь Василия Трушкина², судя по его дневнику, - это почти исключительно книги и мысли о прочитанном, постановка учебных, а затем и научных задач перед собой, и еще постоянное чувство голода. Со всем этим юноша наедине и понятно, по-

² Дневник опубликован пока не полностью — книга в которую он вошел, посвящена Трушкину как литературоведу — купированы и эти записи (Трушкин, 2001).

чему он это заносит в дневник. Наедине он и с некоторыми суждениями, которые может доверить лишь дневнику, - они даже записываются по-немецки, чтобы случайный читатель их не понял, но всё-таки записываются.

В дневнике Киры Мансуровой нет и намёка на какое-либо сопротивление и даже на опасения быть прочитанной, но она сразу подчеркивает его приватность. Дневник Кира решила вести для себя, о чем и сообщает возможному читателю. И кто этот возможный читатель и зритель? Можно назвать этого читателя "идеальный Я", как называет Ирина Савкина в статье о дневнике Анны Олениной (Савкина И., 2000, с. 109), но с той оговоркой, что Кира в самовоспитании предполагает ограничение своего "Я", "идеальная Я" искренней Киры - не столько цензор её принципиально откровенных суждений, сколько предполагаемый рецензент.

Самовоспитание как цель всегда присутствует в личном дневнике - по меньшей мере, как стилистическое задание или как самоотчет о прожитом дне. В случае советской девушки эта цель очевидна и представляет само ведение дневника вполне советским способом. "Работа над собой" - и есть это, о котором неудобно говорить с мамой и Тamarой, поскольку "неудобно" делать публичным свое несовершенство: во-первых, тебе о нем и так постоянно напоминают, во-вторых, это - твоё частное дело, и нескромно отвлекать на него занятых работой и бытовыми заботами людей.

Дневник - путь к "правильной" Кире. Поэтому в основе самовоспитания для нее как советской девушки лежит ориентация на внешние требования, предъявляемые эпохой. Следовательно, между самовоспитанием и самореализацией можно поставить знак равенства. Советское представление о самореализации плотно связано с историей как причиной личного существования и источником социальных смыслов индивидуальной жизни.

Статья настоящей

Круг чтения Киры Мансуровой - классика, советская литература и литературная критика, научно-популярная литература (а по астрономии уже в школе - и научная). Издания, которые на советском языке назывались общественно-политическими, также регулярно читались Кирой все годы, пока велся дневник, хотя не были как-либо связаны с учебной программой или профессиональным образованием. Чтение это можно объяснить общественными поручениями Киры, ведь девушке постоянно была агитатором или политинформатором.

Но зависимость скорее обратная, сами поручения неслучайны - интерес¹¹ тому, что происходит в мире, очень личный, и в интимный дневник попадают между⁹ родные сюжеты:

"Прочитала сейчас в "Большевике" статью Минаева о гангстеризме в США кой ужас! Страна, где почти безнаказанно ежегодно совершаются тысячи убийств, краж, где созданы "тресты по угому автомобилей, школы, готовящие преступников, где самой ходовой является книга "Как безнаказанно совершать убийства", показывают фильмы о жизни бандитов, где эти бандиты занимают видное положение в обществе, где детей воспитывают в преклонении перед ними - такая страна существует сейчас. Просто чудовищно узнавать такие вещи. Какое счастье, что я не американка" (запись 24 января 1949 г.)

В стране, которая только что обрела всеобщую грамотность, и в которой русская литература³ была предметом культа, установилась высокая степень доверия к печатному слову - Идеино-пропагандистская машина эксплуатировала это доверие, однако представлять, что счастье быть советским проистекает из насаждаемой изоляции - значительно упрощать феномен советского человека. Советскими людьми делала девочек и мальчиков не только и не столько идеологическая работа, сколько весь строй советской жизни, частью которой идеологическая работа была.

Девушке конца 40-х, представителю того поколения *советских идеалистов*, которое входило в социальную жизнь после войны, невозможно было представить себе рождение в другой стране. Чувство благодарности государству, чувство долга перед ним за то, что живешь в такой исключительной стране, пронизывает весь дневник. Для поколения Киры - в отличие от предшествующего - Великая Отечественная была безоговорочным аргументом в пользу того, что Советский Союз - носитель смысла истории, победа - предопределенный исторический подвиг, значение которого только подтверждалось масштабом перенесенных страданий.

Смысл свершаемого тогда настолько значителен, что придает смысл и каждой индивидуальной жизни в том случае, если индивид - человек "сознательный", то есть знает, какие задачи решает его страна и принимает участие в решении этих задач как должное. Возможность внести личный вклад в дело приближения к идеалу Кира находит в общезнании, где шефствует над одной из комнат, - помогает иногородним студентам войти в столичную жизнь и кроме всего участвует в том самообразовании, которое проводят ребята, например, в дискуссии о "партийности в науке" или "об этических и эстетических принципах искусства":

«Это и есть настоящая жизнь, а мы ведь очень редко разговариваем на подобные темы» (запись 29 октября 1950 г.).

Здесь присутствуют два смысла определения "настоящая" - соответствие идеалу и то, что сейчас в России называем мейнстримом, а на русском литературном языке можно назвать стремнина, то есть некое бурное движение жизни, увлекающее тебя. Желание настоящей жизни пронизывает дневник, он пишется как предисловие и как необходимая подготовка к этой настоящей жизни.

В девических дневниках непременно излагаются запутанные отношения с юношами. Точный признак книжности - возникающий при этом лейтмотивом вопрос "настоящее ли"? Образ настоящей любви впитан из книг, в двадцатом веке - из кино. И у Киры случается так, что в течение нескольких недель или месяцев в дневнике царствует очередная героиня её размышлений, всякий раз имя заменяется постепенно местоимением «он» В одном случае Кира живет мыслями о том, увидит ли "его" сегодня, и почему "он" избегает разговоров с ней, в другом - страница за страницей восхищение старшим и надежным товарищем, в третьем - пересказ диалогов с деталями внешне незначительными, которым конечно же придается особое значение, но в каждом из случаев постоянные оговорки и даже одергивание себя "это - не любовь", "это - совсем другое", "чуть не влюбилась, но...".

В пору студенчества мужской идеал, даже настоящая любовь для Киры - советские, временный критерий, примеряемый к однокурсникам, которые ухаживают за ней, с которыми она дружит или отказывается поддерживать отношения - как они относятся коллективу.

Когда Кира впервые признается себе, что встретила человека, с которым хотела бы быть всю жизнь, это произошло во время летнего путешествия, то девичьи мечты на тему «будущей встречи с Сашей» не просто романтичны, а романтичны по-советски:

«...примерно так: меня вызывают в ЦК и дают спец. задание... Меня отправляют на целинные земли... в какое-нибудь место, где подозревается действие шпионской группы. Я как будто обижена своей участью, высказываю недовольство, и меня тоже

вербуют в эту группу, а я всё передаю своим. В конечном итоге всю группу вылавливают, причем я совершаю какой-нибудь самоотверженный поступок, меня награждают, и я возвращаюсь к своим широтам. Конечно, тут масса всяких подробностей которых я уж не пишу, но продумано всё вплоть до того, каким знаком я оповещу что у меня срочные новости. На данном этапе моим начальством, которому я передаю сведения, является Саша. Это удобно, т.к. он разыгрывает, что ухаживает за мной, а во время прогулок я могу всё рассказывать ему. В основном так наивно подходит для второклассницы, но факт... Я сама всё это чувствую и смеюсь щ собой, но почему бы не помечтать!» (запись 19 августа 1954 г.).

Все, что девушка видит, что с ней происходит, - в фокусе этого вопроса: настоящее ли? И этот критерий социален: настоящее и советское - почти синонимы. Реализовав себя - значит, стать «настоящим советским человеком» и пройти «путь советского человека». Определение «советский» - не хронологическое, а указание на особые предпосылки стать «настоящим» и на особую человеческую доброкачественность. Синонимичность понятий «настоящий человек», «советский человек» и «большевик» подчеркивал повесть Бориса Полевого и особенно фильм Александра Столпера «Повесть о настоящем человеке», вышедший в 1948 году.

Что значит «настоящее»? Настоящий человек - искренний, содержательный, полезный обществу, волевой и готовый к самопожертвованию. Это требования, которые Кира предъявляет к себе, этих же качеств девушка требует от книг, кино, спектаклей и, конечно, от любви. Попробуем сформулировать эти качества.

Искренность, честность, принципиальность. Формула «все честные люди» почти обязательно возникает на страницах, где речь идет о делах международных. Формул; относится к идеологической риторике, но девушка пользуется ею не из желания вглядеть в своих глазах правоверной. Для представлений Киры о том, что за борьба; мире происходит, органична презумпция честности, распространяемая на силы прогресса, и заведомая нечестность реакционеров. Друзей и недругов она также одобряя за прямоту, честно и «в глаза» высказанные мнения, уважает однокурсника за то, что тот признал справедливость претензий товарищей. Некие сомнения - записывать ил нет - прорываются лишь два раза: однажды, Кира высказывает неуверенность в свое* праве писать о решении закрытого комсомольского собрания. В другой раз колеблется, писать ли о личной тайне подруги, которую та просила хранить, и тут колебанй выглядят действительными сомнениями. Ирина Савкина пишет о дневнике как «бала* сировании между приватностью и публичностью» (Савкина И., 2004, с. 104). Дневник Киры - последовательное обязательство быть откровенной, искренность - принцип, установка, задача. Быть искренней - грань того идеала, который надо реализовать.

Полезность. Практический смысл должно иметь всё, чему ты уделяешь время. Даже определяя, какое из спортивных занятий вставлять в свой зимний распорядок - лы*5 или коньки - Кира склоняется к лыжам из соображений их практического знамени» Отзываясь положительно о прочитанном, Кира непременно определяет «нужная И га», «воспитывающая книга». Камнем преткновения однажды (еще в школе) оказали рассказы Честертон. Кира увлеченно прочла детективные истории о патере Брауне. пугает своего возникшего интереса. Чему учит книга? Честертон предстает автору вредным, поскольку пишет увлекательно, но не занимает необходимой моральной позиции (запись 24 января 1949 г.).

В записях старшеклассницы Киры пробивается чувство вины за то, что избранная профессия далека от повседневного героизма советских людей. После двух лет в университете появляются сомнения и другого рода: «У меня сейчас нет прежнего чувства к астрономии, что это моя наука. И в практическом её значении я не очень уверена» (запись 24 июня 1951 г.). В предпоследней 15-й тетрадке аспирантка Кира, уже работающая в провинции, в Полтаве, обозначает выход из противоречия: занятий наукой

недостаточно, нужна еще какая-то работа общественно полезная, без которой смысл жизни не обретишь (запись 20 марта 1956 г.).

Содержательность. Посмотрев фильм «Дорога на эшафот» о Марии Стюарт и находясь под сильным впечатлением, послевоенная школьница пишет «Это первая немецкая содержательная картина, которую я видела» (запись 18 ноября 1948 г.). Эпитет «содержательный» постоянно фигурирует в замечаниях о книгах и фильмах. Содержательный - почти тоже самое, что «идейный», но речь идет не о формальной идейности, идеологической правильности». Содержательность - некое сочетание «идейности» и пиши для ума. Подобное сочетание привлекает Киру и в людях. Однажды она замечает, что познакомилась в библиотеке с Софьей Ильинской - «умной, идейной девочкой». Вокруг много умных людей, но далеко не все они «идейные» - это противоречие, которое явно смущает Киру и в первой тетради её дневника, и гораздо позже в студенчестве. Обратное - когда *идейный* человек выглядит не слишком умным - не удивляет, а, скорее, раздражает.

Соотнесение не только биографической траектории, но и своей внутренней жизни сдвижением истории присуще советскому человеку любого поколения. Но именно для поколения Киры, то есть мальчиков и девочек, взрослых во время и после войны, это ощущение неотъемлемости от истории предельно органично. Известная российская ученая, основатель школы психолингвистики Ревека Фрумкина, человек совсем иной социальной среды, жизненного выбора и политических взглядов, нежели Кира Мансурова, но её ровесница, назвала свою книгу, представляющую интеллектуальную биографию автора, - «Внутри истории» (Фрумкина Р, 2002).

Послевоенное поколение «советских мальчиков и девочек» с первым, предвоенным поколением объединяет чувство, что возможность реализовать себя, проявить себя *настоящему* произошла до тебя. Для тех, кто оканчивал школу в середине тридцатых, это *главное* - революция и Гражданская война, что было воплощено в стихах поэтов, именуемых в истории советской литературы по названию созданного в середине тридцатых московского Института философии, литературы и истории «ифлийскими» (Кульчицкий, Коган, Межиров и др.). Для поколения Киры *главное* - только что закончившаяся война с фашизмом.

Дневник Кира начала вести 21 мая 1948 года, в день, когда её потряс фильм об Александре Матросове:

«...какая замечательная картина! Какой подвиг. Вот такие простые, обыкновенные люди и бывают настоящими героями. Таким ли в действительности был Матросов? Вероятно. Хочется, чтобы всё было так, как в кино. Трудно всё-таки передать свои чувства. После этой картины хочется жить для всех. Но как слова не передают настоящих впечатлений. Слишком беден мой язык. Да, к сожалению, хотя у меня по литературе 5, я не могу как следует выразить всё, что у меня на душе. Эта картинка учит, каким должен быть настоящий комсомолец. Когда я вступала в жить не для себя это значит. Только недавно я поняла это. Главное, жить не для себя, честно выполнять свою обязанность. Иначе и жить незачем. Но я не хочу принести себя в жертву, отказаться от личной жизни. Нет, чувствовать себя «благодетелем».

Масштаб исторического подвига, к свершению которого ты «не успел», задает критерии реализации Проблема реализованности в том, что ты никогда не сможешь соответствовать эталону. «Герои войны» как общее понятие, как герои фильмов и книг постоянно упоминаются с обязательными формулами благодарности. Особо выделена одна из героинь: «Быть похожей на Женю Рудневу - моя мечта» (запись 13 апреля 1953)

Герой Советского Союза Евгения училась, как и Кира, на астронома, но с 4 курса ушла воевать была штурманом полка, погибла. Кира, услышав рассказ о ней, находит в библиотеке старый журнал, где были опубликованы дневники Жени:

Индивид и общество

«Уже по дневнику чувствуется, что тогда было совсем другое время, другой дух, о котором мы знаем по довоенным книгам. Лучше оно было или нет - не знаю, очевидно всё же, сейчас лучше, ведь мы идем вперед. Сейчас уже более или менее всё определилось... но, кажется, тогда комсомол был горячее, задорнее» (запись 22 апреля 1951 года)

Кира оговаривает, что теперь, конечно, главная задача молодых людей - учиться готовиться к серьезной работе, а не тонуть во множестве общественных дел. Однако романтика мобилизации сил, прямого участия в исторических событиях, у девушки послевоенного поколения сильнее, чем аргументы "сознательности", тем более что мысль о возможной мобилизации помогает справляться с тем, что Кира считает своими слабостями, недостатками.

Историческое чувство не только придает смысл жизни, но и позволяет мобилизоваться в трудной ситуации. К такой мобилизации Кира и готовит себя в отличие от тех кто думает, что "их поведение сейчас неважно, а когда придёт момент, они сразу станут честными, принципиальными, дисциплинированными" (запись 16 января 1950г)

Историческое чувство присуще не только советскому человеку, но в советской модели человеческого существования зависимость человека от хода истории - факт системообразующий. Ценность твоей жизни, а часто и твое присутствие в жизни опрт делается тем, соответствует ли твоя жизнь направлению истории или не совпадает ней. Не просто важным, а символическим событием для третьекурсницы Киры становится военизированный поход. В походе была общая учебная цель, то есть не вполне «настоящая», но освященная значимостью тех главных целей, которые потребуют героизма, и поход - проверка готовности. Участвовали в общем деле только надежные товарищи, и сама Кира оказалась надежной - целеустремленной, способной к преодолению препятствий и к серьезной физической нагрузке, от которой её оберегали врач и близкие. Событие настолько воодушевило Киру, что она увлеченно и очень подробно его описала, потратив на запись времени, вероятно, не меньше, чем занял сам поход - он воплотил ее идеал общественной жизни.

Правильная девушка

Правильность», то есть стремление следовать советским идеалам - советскость» - проступает в дневнике-только через идеологическую риторку, а прежде всего как идеологический взгляд на мир, точнее даже - идеологическое зрение, то есть» дение мира через призму ценное⁴ основополагающих для строя циальном языке это называлось мунистическое мировоззрение» рое необходимо было «формировать у каждого советского человека. Именно мировоззрение, а не просто взгляд, со-

четающийся с другими, и это мы хорошо видим в дневнике Киры Мансуровой: все суждения в которых нет идеологической природы, или она неочевидна, существуют так или иначе в контексте этого видения, с точки зрения высоких исторических смыслов.

Идеологическая оптика предполагает крайне противоречивую визуальную культуру мощный потенциал которой реализуется творцами «важнейшего из искусств» - кинематографа, как и в живописи, в пластических искусствах, и в литературе. Создает

масштабный и деятельный мир истории, напитанный энергией продвижения в будущее. Зритель, читатель как зритель, втягиваясь в язык образов, научается видеть в подробностях - знаки большой истории, в характерах - исторические типы. Создаются не просто образы творится истори» настоящая», даже если «правда более печалит мир создаваемых образов, мир создаваемых образов, тем богаче и визуальный мир человека живущего этим искусством, сильнее его потребности в визуальных ощущениях и переживаниях. Но тем сильнее и зависимость от истории, сужающая умение видеть то что не вписывается в историческое существование, разрушающая способность не только отстраняться от истории, но отстраняться от мира вообще, то есть способность *остановления* мира, его подробностей, масштабных процессов и мелких деталей

Кира путешествует и готова жизнь провести в дороге, мечтая о профессиях, которые дадут возможность этого. Слова дорога, путь часто встречаются в разнообразных словосочетаниях, а главное - разворачиваются в метафоры соединяя идеологическую риторику с размышлениями Киры о себе Образ Пути - ключевой для дневника - как метафора идейных ориентиров, позволяющих оценивать людей, события, свои мысли и поступки.

Сама жизнь предстает некоей общей дорогой, направление которой задано историей:

«...А положение у меня странное. Жизнь идёт вперёд, все идут вместе с ней.

Мне представляется, что жизнь, это широкая, прямая дорога, как бывает у нас в Подмоскowie. Такая жёлтая, светлая, и по бокам лес. И люди всё время идут вперёд. У каждого своё, каждый идёт со своей работой, со своими думами, стремлениями. И хотя у всех они разные, дорога всё-таки одна, и цель одна. И это светлое, что ждёт впереди, сейчас называется коммунизмом...

...На дороге много препятствий, поворотов, и надо уметь преодолевать их, а не сворачивать в сторону в поисках безопасного пути. Уходя от препятствий, уходишь с настоящей дороги. Какое же у меня место в этом потоке? До сих пор я шла тоже весело и твёрдо по дороге, шла по середине, видела перед собой цель. Сейчас я иду просто по инерции, схожу к краям. Я иду вперёд, но идти по-прежнему у меня уже не хватает внутренних сил. Я прекрасно вижу эту дорогу, знаю, что идти нужно именно по ней, что нельзя сворачивать, нельзя выбирать более лёгкий путь. Всё это я знаю, убеждена в этом, но нужна чья-то твёрдая рука, которая вывела бы меня опять на середину дороги (запись 27 декабря 1950)

Почему возникает речь об инерции и безволии? О своей неспособности повседневно соответствовать ритму и направлению общего исторического движения совет-

³ Михаил Ромм вспоминал, как Эйзенштейн советовался с ним, получив разрешение киноначальства вернуться в Невпги" ^ «Михаил Ильич, вот предлагают на выбор мне две вещи: либо «Иван Сусанин», либо «Александр Невский». Что бы вы взяли?...

Я говорю:
- Иван Сусанин.
Почему?

- Да вот потому что, во-первых, есть сюжет, во-вторых, исторически это в общем хорошо известная эпоха, материалы есть, и даже сохранился в общем Кремль Московский...

А вы знаете, что осталось от Александра Невского?

- По-моему, одна страничка летописи, Он говорит:

- Но вот это же прекрасно. Там ничего нет. Всё, что я ни напишу, отныне будет правда. А вам не кажется?» (Ромм, 2003, с. 44)

Дневник Киры начался с впечатлений о кино. Кино смотрится постоянно и, судя по всему, все фильмы, которые демонстрируются. Сделать это было несложно - фильмов выпускалось в конце 40-х годов очень немного, после известных идеологических постановлений (в т.ч. о кинофильме "Большая жизнь"), но смотрятся и все «трофейные». Каждый фильм оценивается - стал ли событием? Но событием может стать не тот, который заставил изменить взгляды, а тот, который впечатляюще подтвердил и разнообразил бесспорную «правду истории».

ская девушка пишет как об отступлении от *правильного* пути через несколько недель после военизированного похода, запись о котором цитировалась выше. Поход и своё внутреннее смятение Кира воспринимает по контрасту - поход дал ощущение непосредственной причастности к историческому движению, которым хочет жить девушка, но жить приходится совсем иными чувствами. Именно в эти недели дневнику поверяются сомнения, казалось бы, совсем противоположные - оказывается среди препятствий ожидающих на общей и бесспорно верной дороге, с которой стремишься согласовать свой путь - еще и риск почувствовать себя одинокой в этом своем стремлении.

Шестого ноября 1950 г. студенческая группа по традиции собралась, чтобы отпраздновать ноябрьскую годовщину. Среди развлечений была игра в «интуицию», которая преподнесла Кире сюрприз:

“Когда загадали меня, то сравнения были самые разнообразные, у каждого своё, и они редко сходились. Только дерево-рябина, все согласились, да облачная, спокойная погода, а когда сравнивали с животными, то сказали: безрогий олень, косуля и даже хищное. Книга - современная, толстая, критическая. Но, в общем каждый думал по-своему, не соглашаясь с другими, и пришли к выводу, что я “сложная натура” (запись 6 ноября 1950 г.).

Кира этим удивлена, и в то же время лестно оказаться сложной натурой сложность может быть синонимом «содержательности». В другой раз - на новогодней вечеринке играя в *интуицию*, ребята просто отказываются загадывать Киру - «сложность выводит из общего ряда (запись 1 января 1951 г). Быть особенной лестно, но еще и одиноко.

“А понять в 19 лет, что никогда не будет настоящего счастья - это слишком тяжело. Ведь с моим характером... А переделать его я не в силах. Я смогла бы изменить своё поведение, отдельные черты, но стать другим человеком! Ведь я считаю что в основе мои установки правильны, об этом говорит и уважение ко мне, но надо стать как-то проще, доступнее, и я этого уже не могу. Например, я не могу меньше думать, меньше рассуждать, менять принципы”
(запись 16 декабря 1950 г.).

Мнение девушки о том, что её «правильные установки», с одной стороны, вызывают уважение окружающих, а, с другой, делают отношения с окружающими сложным - органично для дневника, его можно подкрепить многими эпизодами, подробностям школьных, студенческих, аспирантских лет, о которых мы из дневника узнаем. За вен десять лет в дневнике ни разу не появляется характеристика чьих-либо политических позиций или свидетельства об идейных разногласиях, но Кира всегда с изложением и аргументацией несовпадающих точек зрения - описывает споры на «философские темы и эти споры возникают спонтанно или как запланированная дискуссия между людьми вполне советскими. Выделяется Кира не убеждениями и принципами, а убежденностью. Она не только идеологически лояльна - убеждения, «правильные установки» как бы проверяются на прочность. Проверяются непрестанно девушка повседневную жизнь видит через идеологическую оптику. О том, что Кира живет в коммуналке, мы узнаём только из десятой тетради, что эта коммуналка в полуподвале из дневника вообще не узнаем, и только потому, что девушка решает для себя вопрос, можно ли дальше молчать и не вмешиваться, когда соседи бьют ребенка, ли она как комсомолка право на это молчание.

Дневниковые записи - во многом работа по предупреждению или преодолению противоречий, которые возникают между спонтанными эмоциями и убеждениями между усвоенными идеологическими формулами и необходимостью осмыслить под эти формулы не попадающие, между принципами и симпатиями. Именно сочная прямолинейность рассматривается как причина того, что противоречия становятся острыми, мешают жить, и дается задание самой себе - меняться. *Подобные* противоречия переживает не только Кира. Мы знаем из дневника, что весной 1953-го ее под-

руга вдруг отказывается идти агитатором туда, где недавно рассказывала о подвиге Тимашук, разоблачившей “врачей-вредителей”, а теперь объявленной клеветником, Кира требует от подруги выполнять общественное поручение, но и Кире знакомы по себе подобные столкновения *сознательности* с чувствами и разумом - “ошибки”, если вспомнить книгу Александра Бека, написанную в начале 60-х, опубликованную во времена перестройки⁵.

Причины подобных “сшибок” *сознательности* с чувствами и разумом не только в политических коллизиях. Трудности возникали и до весны 1953 года, до “колебаний пинии партии”. Но эти трудности не вырывались наружу и в политические споры не пре-вращались, во всяком случае, в студенческой среде, как бы активна эта студенческая жизнь ни была. В дневнике Киры вплоть до записей 1956 года нет ни одного косвенного свидетельства политических споров. Поколение, которое шумело на комсомольских собраниях по поводу учебы, дисциплины, общественных поручений, было абсолютно “молчаливым” в отношении “высокой” политики и старших товарищей, обличенных доверием властей. Споры были внутренними - об этом дневник свидетельствует. И как свидетели этих внутренних споров дневники - незаменимый источник.

Из всех событий, на которые реагирует Кира в своем дневнике, выделим три, лежащие в разных трех точках на оси от частной жизни до всемирной, отчетливо видя при этом, что шкала очень условна: личное и общественное, индивидуальная жизнь и общий путь переплетены.

Среди событий, о которых говорит радио и пишут газеты, война в Корее — одна из главных тем Кириных переживаний:

Сердце болит за Корею, бои уже севернее Пхеньяна. Неужели так это и останется, никто не поможет! Я понимаю, что мы боремся за мир, что мы не можем вмешаться, т.к. осуждали за это США, мы не можем развязывать войну тотчас после конференции сторонников мира, мы действуем мирным путём. Я отнюдь не хочу новой, ещё более ужасной войны, но неужели допустят поражение демократической Кореи, она станет жертвой во имя общего мира. Ужасно! Сознаю, я была бы рада если за нее вступился хотя бы Китай или мы. Я понимаю правильность нашей политики, но ведь корейцы гибнут, там свирепствуют американцы. Что будет дальше?”

Еще не раз новости с фронтов корейской войны отзвучат в записях Киры. Война бы мобилизует ее чувства даже не столько как будущего воина, сколько как “солдата борьбы за мир». «Ошибка» возникает из-за того, что есть идеологически чистая формула о поддержке угнетенных во всем мире а есть прагматика государственной политики, Здесь трудность идейного компромисса. Само понятие «идейный компромисс» несет смысл в советской лексике и не употребляется в пропагандистском обес-

⁵ Внутренне побуждение призывает вас поступить так, вы, однако, заставляете себя делать нечто противоположное» (А. Бек., 1978, с. 19). Дневник Киры начался с впечатлений о кино. Кино смотрится потсоянно и, судя по всему, все фильмы, которые демонстрируются. Сделать это было несложно – фильмом выпускалось в конце 40-х годов очень немного, после известных «идеологических» постановлений (в т.ч. о кинофильме «Большая жизнь», но смотрятся и все «трофейные». Каждый фильм оценивается – стал ли событием? Но событием может стать не тот, который заставил изменить взгляды, а тот, который впечатляюще подтвердил и разнообразил бесспную «правду истории»

⁶ Во всяком случае, это относится к студентам и подтверждается интервью с ровесниками Киры, учившимися за других факультетах и в других ВУЗах. Мой собеседник, закончивший в 1957 году философский факультет МГУ, рассказывал: «Впервые мы взрптали после окончания университета – на военных сборах, когда нас выстроили и объявили о Пленуме, на котором исключили «антипартийную группу» (Молотова, Маленкова и др). Мы не их поддерживали, возмутил сам факт, что опять кто-то наверху принял решение на основе чего-то известного им, а мы должны принять на веру...» В интервью с Д.Л., 1934 г.р. которая в 1956 году училась в мединституте в Ленинграде и рассказывает о собрании, на котором читали «секретный доклад» Хрущева: Мы ушли с этого собрания молча – каждый в свою сторону. Наверное, среди нас было немало людей, которые не знали вообще ничего. Наверное, были такие как я, которые уже что-то знали. Но мы ушли молча и потом никогда ничего не обсуждали. Вообще для нашего поколения, по-моему, главным состоянием было молчать...»

печении внешней политики. Демагогия идейных формул еще не бросается в дозирование информации вполне отвечает атмосфере «борьбы за мир» и пока не^А принимается как манипулирование, но критерий честности - тот самый «Гамбург^{AV} счет», который официальная интерпретация тех или иных событий однажды моке/" выдержатъ.

Другое событие - смерть и похороны Сталина. В первые дни марта 1953 года "правильные слова" обретают особый пафос:

*"Вчера было опубликовано сообщение, что в ночь на 2/11 у т. Сталина произошло кровоизлияние в мозг, паралич правой стороны, потеря сознания и речи...
...Даже кажется странным, что все живут по-прежнему, учатся, работают, именно так и только так должно быть. Перед нами уже прямая и ясная дорога, и мы с неё не уйдем, несмотря ни на что"* (запись 5 марта 1953 г.).

В дни ожидания ("Что же будет?") связь с историей чувствуется непосредственно готовность к поступку, если не самопожертвованию, и когда сообщают о смерти вождя, на предстоящем прощании и похоронах, Кире хочется быть "со всеми" - пойти в Колонный зал, поехать в Университет. Но разворачивается трагедия на московских улицах и вместо мобилизации чувств - смятение:

"...на Трубной раздавило Петю, и его тело повезли домой. Это такой кошмар; что трудно себе представить. Не верю, чтобы этого нельзя было предусмотреть и предотвратить. Можно было расставить войска" (запись 12 марта 1953 г.).

Пафос, к которому зывал момент смерти вождя, и взгляд на это событие с позиции большой истории, оказывается вдруг неуместным и бестактным из-за той смертельной давки, которая возникает из-за желания людей «проститься» с вождём. И верховная власть лишается сакральности и доверия. В её адрес высказываются претензии в то « что не был обеспечен порядок, и звучит скрытый упрек в сокрытии правды ("И главное это не только разговоры, что где-то кого-то задавили, а реальные жертвы...").

Третье событие - совсем частное - *переезд бабушки*. Внезапно в Горьком умирает дядя Киры, вместе с которым живет её бабушка. Бабушку надо перевести в Москву, для этого обменять квартиру. Заниматься этим приходится Кире в её летние каникулы после второго курса. Обмен и переезд все откладываются и откладываются. Препятствия возникали одни за одним в лице начальников, чьи подписи были необходимы:

"С обменом дело задерживается; какая-то "мегера" решила, что здесь можно поместить 2 семьи (хотя это достаточно нелепо), и дело отложили. Вместо того, чтобы улучшать жизнь людей, она хочет уравнять всех на низком уровне и возражает, что этим служит народу. Бывают же такие общественницы" (запись 2 июля 1951 г.).

Последним и самым серьезным препятствием оказалась депутат, которая по нормам того времени, должна была дать санкцию на обмен:

"выбрали её, чтобы она защищала интересы народа, а она лишь всем вставим палки в колеса. На неё все жалуются, а она даже и не говорит с людьми".

Через несколько лет Кира в Полтаве будет работать в одной обсерватории депутаткой, которая тоже возмутит девушку грубым отношением к людям, претензиями^А особые бытовые условия. Ещё позднее (уже «за рамками» дневника) Кира Сергеев* будучи директором обсерватории в Иркутске, на безальтернативных выборах в « ховный Совет будет регулярно голосовать против одного из руководителей Российской Фелерации, не скрывая от окружающих, что знает, как он относится к людям и не верит ему.

Реакция на страницах дневника на три названных события - три случая столкновения реального и повседневного. Посвященные им страницы дневника дают возможность, если не проследить, как расстраивается идеологическая оптика, заданная

высокими историческими смыслами, то судить о том, почему однажды она перестанет ниматься как надежная.

Альтернативу идеологическому зрению можно назвать *зрением социальным*, поскольку основа для его развития не в мире идей, а в повседневности человеческих отношений стремление увидеть то, что видит другой. Это именно альтернативные, а не взаимоисключающие способы видеть мир. Но развитие социального зрения предполагает стереоскопию и поэтому упраздняет абсолютность идеологической оптики⁷. Но пока мировоззрение девушки остается идеологическим. В своих оценках событий Кира предстает, если пользоваться достаточно распространенной в советской жизни формулой, как «беспартийная коммунистка» - человек, для которого безусловны и абсолютны коммунистический идеал и нормы коммунистической морали. С этих позиций предъявляются претензии реальному строю советской жизни и тем, кто по должности или в силу своей принадлежности к партии обязаны руководствоваться в своих действиях идеалом. Идеологическое зрение вместо того, чтобы обеспечить ясную и стройную картину происходящего не спасает от внутренних конфликтов, а обрекает на них.

Беспартийная коммунистка

— Не только на закате советской власти, но и в поколении, начинавшем самостоятельную жизнь после войны, существовало это странное ощущение: человеку, строящему свою жизнь в соответствии с советскими идеалами и принципами, не так просто жить в советской стране. Представлять противоречие между стремлением жить осмысленно и советской *сознательностью* как конфликт внутреннего мира с внешним или общечеловеческим с советским - значит, предельно упрощать тот мир, который называют внутренним. Гражданская ответственность предписывается *советскими* установками, формами социальности, ритуалами и глубоко интериоризирована в тех, для кого советские идеалы значимы и бесспорны.

Девушка отчетливо связывает “правильность” поведения с его продуманностью. Для Кире мало “сознательности”. *Сознательность* - твердая убежденность, что исторический путь верен, презумпция правильности того, что делает советская власть, ведущая по этому пути истории советских людей. То, что в этом стремлении “быть правильной” Кира обнаруживает себя на обочине общей жизни, самое рельефное выражение противоречия между *сознательностью* и стремлением жить в согласии с разумом. И сама девушка воспринимает это как противоречие. После эпизода с игрой в интуицию, так озадачившего Киру, и описания “великого похода” она итожит:

«...Но если я и понимаю всё правильно, то от понимания до поступков ещё далеко. Хорошо, если верны взгляды на жизнь, но недостаточно. Надо научиться и жить соответственно с такими взглядами. Опять мне приходит в голову мысль: не слишком ли много я рассуждаю, “философствую”, и опять прихожу к тому же ответу: «Думать и осмысливать жизнь надо» (запись 13 ноября 1950 г.),

Контекст этого внутреннего экзистенциального противоречия - противоречие между повседневной жизнью (*советской*) и *настоящей*, т.е. той, какой должна быть советская в соответствии с идеалом. Вспомним определение Михаила Гелфтера: “..пытается сделать её (жизнь) такой, чтобы он в этой стране мог жить”,

И те пути, на которых Кира пытается справиться со своими внутренними противоречиями (или предупредить их возникновение), обычны для советских идеалистов разных Во-первых, это мыслительная работа по объяснению высшими историчес-

⁷ Методологическая рефлексия в социологии, профессиональном социальном познании происходит так или иначе как выбор между этими мировоззренческими альтернативами - развивать социальное зрение или совершенствовать идеологическую оптику. Поэтому стремление обогатить социологию за счет развитой визуальной культуры – процесс, потенциальное значение которого много больше, чем расширение методического арсенала

кими смыслами и законами тех недостатков, лишений, ограничений и даже нелепостей которые заставляют чувствовать дистанцию между идеальным и реальным строем советской жизни. Во-вторых, это путь действия, социального активизма, дающего ощущение непосредственного очевидного результата.

Стремление действовать реализуется у Киры в её педагогических опытах⁸, в работе агитатором во время предвыборной кампании. Она охотно берет поручения вести, политические занятия в ремесленном училище, в бригаде строителей нового здания университета, в колхозе⁹. Такого рода деятельность - убеждать других - очень способует твет самоубеждению. Такие поручения ставили человека на определенную, нижнюю ступень системы идеологической работы, но все же включали в некую иерархию посвященности, в смысл высшей политики. Укреплялся некий каркас огосударствливания сознания. Насколько он был прочен? Если это включение в великое дело *Просвещения* не отменяло привычки размышлять, то избавление от внутренних вопросов могло носить только временный характер.

Два этих пути - умопостроений и социального активизма - оказываются недостаточными, чтобы уйти от противоречия между советской жизнью и идеалом. Несоответствие повседневности идеалу волнует Киру не столько своей бытовой, материальной стороной. Идеалу противоречат отношения между людьми, поведение однокашников (отношение к учебе, к общественной жизни, к соученикам), отношение преподавателей и коллег к собственной работе. Вот то, во что невозможно не вмешиваться, если стремиться быть *настоящей*. В то же время это надежда на то, что окружающие поймут твою озабоченность общим делом и перестанут считать странной - признают.

На втором курсе Кира направляет свою социальную энергию на сплочение своей студенческой группы, страницы дневника наполнены внутренним спором "смогу ли", "а имеет ли смысл", описанием подробностей "борьбы за коллектив":

"Вчера на концерте ... поговорила об этом с Наташей. Она, кажется, не очень верит в возможность создания коллектива, они с Петькой давно об этом говорили. / я верю, что это можно сделать, если горячо взяться за дело. Ведь ребята у нас все хорошие, и коллектив может стать очень дружным. Ведь можно устроить столько интересных походов, диспутов, турниров, и учёба станет лучше. Настроение у меня после вчерашнего разговора поднялось. Правда, всё это ещё не решает вопрос обо мне целиком, но большую часть. Да и моё, личное не может стоять на первом плане. В хорошем коллективе и мой характер может измениться и думать, что! меня больше не будет таких мрачных приступов, когда бегаю по комнате и бью себя в грудь, каясь" (запись 12 января 1951 г.).

"Вкладывание себя" в общие дела ради общей цели - инструмент работы над собой. Переделывая "общую жизнь", Кира пытается переделать себя - то есть устранить противоречия внутренние. Но только умножает их.

За подобные разговоры однажды Киру и её товарищей по несостоявшемуся "ядру коллектива" публично обвиняют в создании тайной группы. Дело доходит до собрания и вынужденного признания совершенной ошибки, но почти сразу Кира решает для себя что на собрании раскаялась не искренне - 5 марта 1951 года она описывает на четырех страницах события, происходящие в студенческой группе после собрания, ход которых доказывает правоту Киры и ее единомышленников.

Начиная дневник, Кира мечтала о пути «советского человека» Мы видим, что последовательное движение по этому пути - движение от советского подданного к гражданину Советский гражданин, в этой формуле зафиксированы подданнические отношения

⁸ Безусловный идеал - Макаренко, то есть педагогика коллективизма. Кира зачитывалась его книгами.

⁹ "В школе, когда нам восемнадцати лет еще не было, и когда мы сами не имели права голосовать" возможно, нам не приходило в голову - каждый год, года три подряд мы работали агитаторами на вы⁰. помню ни одного случая отказа. Я хорошо помню, как это все происходило: приходили в квартиру, говори | интервью с Д.Л., 1934 г.р.)

века с режимом и в то же время нацеленность человека на социальную инициативу. Позиция беспартийного коммуниста - предельное выражение этого противоречия. Беспартийные часто не вступали в партию или им и не предлагали вступать партийные руководители по одной и той же причине: "беспартийные коммунисты" считали, что большинство членов партии и тех партработников, с которыми приходится сталкиваться - *Ненстоящие* коммунисты.

Кире предложили вступить в партию после двадцатого съезда. Съезд стал для неё событием. Дело не столько в том, что он открыл глаза, Кира будто ожидала его:

"... кончается полоса славословий и чувствуются изменения в общем положении, жить становится интереснее" (запись 30 марта 1956 г.). Дело в том, что съезд дал санкцию на сомнения, позволил им стать публичными:

"После кино я зашла на обсерваторию слушать концерт из Большого, посвященный 86-летию со дня рождения Ленина. Но первое отделение я почти не слышала, т к разговаривали с Николаем Андреевичем о последних событиях, как всё это могло произойти. Собственно, Н.А. не сказал мне ничего нового и на мои вопросы отвечал известными рассуждениями, которые приводятся в докладе и которые сама понимаю Я ожидала, что скажет что-нибудь своё, сам постарается объяснить, но, кажется, это было наивное ожидание, хотя я ставила вопросы почти в лоб. Впрочем, это естественно; он говорил со мной так, как с любым другим человеком, а я ведь не только знаю, но и понимаю и принимаю всё, что написано в докладе. И я не стала больше ничего добиваться, т.к. с ним ещё мало знаем друг друга..." (Запись 23 апреля 1956 г.)

Через несколько дней после этой беседы Н.А. предложил Кире вступить в партию: *"Я знаю, что в конце концов обязательно приду в партию... Можно сказать, что я должна вступить в ряды КПСС и повести борьбу за всё это; именно это и есть закономерности, а всё отрицательное - отклонения, которые нужно изживать. Но я-то хорошо знаю, сколько у меня сил, и что я скорее сама поддамся рутине, чем преодолю её. Я знаю, что у меня есть слишком большое нетерпение; я понимаю, что нельзя меновенно перевоспитать людей, что на это нужно время и с этим необходимо смириться, но это меня всегда выводит из себя. Мне или не хватает гибкости, или я буду идти на поводу у неё. Словом, я сама еще не разобралась в этом вопросе. Мы еще будем беседовать с Н.А."* (Запись 26 апреля 1956 года).

Кири Сергеевна вступила в партию только в начале 80-х годов, будучи уже более 10 лет директором Иркутской обсерватории. Перед тем, как все-таки вступить в партию, Ира Сергеевна обсуждала этот шаг в переписке со столичными подругами. Подруги уговаривали принять "правила игры"³⁰, т.е. сомнения по поводу вступления в партию связаны были уже больше с представлениями о партии и партийной жизни, чем с вопросом «готова ли я» При этом она оставалась убежденным сторонником социалистических лев, считая происходившее искажением идеи.

Умерла Кир Сергеевна в 1990 году. Больше половины её жизни осталось за рамками дневника. Дневник Киры перестала вести в 1957 году, когда ей было 26 лет. В те дни, когда она говорила к переезду в Иркутск, на место постоянной работы и к своему существу мужу.

В последних тетрадях уже очевидно, что записи не предполагают читателя за исключением Киры, адресат этих записей - только память пишущей. В последних записях Киры перечисляет события, фиксирует ближайшие задачи и призывает себя сосредоточиться на завершении кандидатской диссертации. Эти призывы и задачи напоминают о том пафосе самосозидания, который изо дня в день годами пропитывал записи, но, продолжая себя воспитывать, Кира уже не отводит дневнику особой роли. Раньше в записях того, что называем саморефлексией, либо ей остается

³⁰ Интервью сыном Киры Мансуровой, май 2003 г.

меньше места в жизни молодой женщины, либо вопросы к себе уже не переносят пространство дневника. Видно, как дневник постепенно становится просто привычкой ритуалом. Энергия замысла, побудившая вести дневник, иссякла.

Одно из объяснений распространенности дневников в советской жизни заключается в том, что советские мальчики и девочки - книголюбцы и мечтатели (Кира, например, гордится своей способностью мечтать и считает это необходимым качеством советского человека). Ведение дневника - традиция книжных мальчиков и девочек, письмо как продолжение чтения, как твой собственный вклад в то, чтобы мир идеального присутствовал в повседневности. Культивируя русскую литературу, советская власть вводит человека в круг тех вопросов и тех высоких мировоззренческих критериев, которые охватываются не только источником социальной энергии, но и потенциально опасными самого советского строя. Слишком высоки эти критерии, слишком они идеальны, если их предъявлять как практические.

Использованная литература:

Garros, V. (2001). *L'Etat en proie au singulier. Journaux personnels et discours autoritaires dans les années 1930. Le Mouvement Social*, n 196, juillet-septembre 2001, 137-154.

Intimacy and terror/ed. V. Garros, N. Korenevskaya, T. Lahusen. - N-Y: New Press, 1995.

Бек А. (1987). *Новое назначение. М: Из-во "Книжная палата"*.

Гегфтер М. (1996). *История - позади? Историк – человек лишний? Аутсайдер человек вопроса. Спецвыпуск журнала Век XX и мир, №1. С. 9-32.*

Вузовская Н. (2004). *Хочу жить... Из дневника школьницы: 1932-1937. По материалам следственного дела семьи Вузовских. М: Глас, 2004*

Рожанский М. (1996). *Черновик мира миров. Опыт несовпадения. Аутсайдер человек вопроса. Спецвыпуск журнала Век XX и мир, №3, 162-179.*

Ромм М. (2003). *Как в кино. Устные рассказы. Нижний Новгород: ДЕКОМ.*

Савкина И. (2000). «Я и ты в женском дневнике». In M. Liljeström, A. Rozenhold & I. Savkina (Eds.), *Models of Self. Russian Women's Autobiographical Texts. Helsinki, Kikumora.*

Самойлов Д. (1995). *Памятные записки. М: Международные отношения. Трушкин В. (2001). Друзья мои...: Из дневников 1937-1964 годов. Иркутск, изд. Схронов Г. К.*

Федотов, Г. (1982). *Полн. собр. сочинений. Т.3. Тяжба о России. Paris: Ymte Press.*

Фрумкина Р. (2002). *Внутри истории. М: Новое литературное обозрение.*

Георгий Федотов предсказывал в середине тридцатых: "Чем дальше идут годы, тем большее число молодых и на все 100 % советских людей, которые ставят себе вечные и такие русские вопросы: зачем жить? что делать? (Федотов Г., 1982, с.311). Мы читаем дневник девушки, которой революционный и социальный энтузиазм присущ в полной мере. Но без вопросов о смысле жизни дневника просто не было бы. Конечно, эти вечные, а благодаря русской классике их называют русскими. Однако, читая дневник, трудно не увидеть, что непосредственное отношение к возникновению этих вопросов имеет не только русская культурная традиция, но и социальный энтузиазм. Советский человек воспринимал русскую классику как предисловие к своему миротворчеству, к своему социальному энтузиазму и для этого были весомые основания

Полевые исследования

Российская интеллигенция как образ: визуальные послания разных времен

Дмитрий Попов

Фотография появилась примерно в одно время с социологией, однако использование фотографий как источника социальной информации так и не стало популярным. Миллионы фотографий делаются каждый год и становятся достоянием семейных альбомов, но социологи не испытывают особого интереса к тому, что могло бы стать основной информационной базой исследования. Между тем, некоторые исследователи полагают, что визуальная социология со временем в теоретическом плане может серьезно потеснить социологию, построенную на написанном или сказанном слове (Wagner J, 1979), также как книжный мир, вынужден был уступить свои позиции под напором мира визуальных образов - кино, телевидения, компьютерных виртуальных реальностей.

Социология изучает мир человеческих отношений, мир, скрытый для исследователя. Способы его проявления могут быть самыми различными: изучение географических пространств (Э. Бёрджесс), идеальных типов (М. Вебер) и др. Одно из перспективных направлений современной социологии - *visual sociology* - обращается к изображению как к средству и способу исследования социальной реальности, ведь в фотографии происходит импринтинг, фиксация человеческих отношений. Огромное значение имеет и тот факт, что сами люди все большее внимание уделяют визуальным знакам как миру открытых визуальных посланий.

Российская интеллигенция: от истории к современности

Сегодня с российским интеллектуальным слоем, который традиционно именовался интеллигенцией, происходят важные, не до конца осмысленные в научной литературе общественном сознании изменения, которые сами по себе заслуживают пристального внимания. Бывшая советская интеллигенция обретает новые, ранее будто бы не свойственные ей качества. Какова природа этих изменений? Какие это качества? Эти вопросы нуждаются сегодня в осмыслении.

Российская интеллигенция появилась на свет в середине XIX столетия. Она, как показал российский социолог Н.Е. Покровский, возникла вследствие неповторимого исторического парадокса: «Общество, которое было вполне антиинтеллектуальным, на этапе своего прекапиталистического слома образовало социальную нишу, позволявшую заниматься мыслительной деятельностью, довольствуясь малым и не заботясь о куске насущном в той мере какой это характерно для западных интеллектуалов. На сравнительно коротком отрезке истории (середина и конец XIX века) интеллектуальный и культурный потенциал, накопленный в рамках феодального общества, получил возможность и развиваться без вхождения в капиталистический рынок. Это